

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-231-252>
<https://elibrary.ru/HNEORY>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Советские корреспонденты Р. Роллана: случай А.Я. Аросева (по материалам писем и дневников)

© 2025, М.А. Ариас-Вихиль

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Аннотация: Статья посвящена анализу взаимоотношений Р. Роллана с одним из его советских корреспондентов — дипломатом, писателем и партийным деятелем А.Я. Аросевым. На основе писем и дневников Роллана и Аросева воссоздаются ключевые события советско-французского диалога в 1930-е гг., связанные с изменением позиции Роллана по отношению к СССР: от критики итогов Октябрьской революции писатель переходит к ревизии собственных политических взглядов и решается на путешествие в страну, которая строит «новое общество». Важную роль в подготовке его приезда сыграл Аросев, занявший в 1934 г. пост председателя ВОКС. В статье впервые публикуется письмо Роллана Аросеву от 12 мая 1935 г., в котором изложены требования писателя к его размещению, питанию и медицинскому обслуживанию в СССР. В письме Роллан высказывает озабоченность задержкой выхода очередных томов полного собрания его сочинений, а также просит уточнить возможность встреч в Москве с Горьким и Сталиным. В статье прослеживается дальнейшее развитие отношений Роллана с Аросевым: после кризиса доверия, связанного с попыткой Сталина и Аросева разместить Роллана не в доме Горького, а на охраняемой правительственной даче, Аросеву удается вернуть расположение Роллана и продолжить дружескую переписку и встречи с ним в Швейцарии, на вилле Роллана. Переписка писателя с Аросевым заканчивается с арестом последнего. Впервые вводятся в научный оборот неизданные на русском языке «Дополнения (октябрь-декабрь 1938 года)» к «Московскому дневнику» Роллана.

Ключевые слова: Ромен Роллан, М. Горький, И. Сталин, А. Аросев, ВОКС, путешествие в СССР, советско-французские литературные связи, «Московский дневник» Р. Роллана.

Информация об авторе: Марина Альбиновна Ариас-Вихиль — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

Для цитирования: *Ариас-Вихиль М.А.* Советские корреспонденты Р. Роллана: случай А.Я. Аросева (по материалам переписка и дневников) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 231–252. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-231-252>

Одним из самых именитых европейских писателей, посетивших СССР в 1930-е гг., был нобелевский лауреат 1915 г. Ромен Роллан. Поклонник творчества и личности Л. Толстого, Роллан испытывал особый интерес к России и русской культуре. Три русские революции не могли оставить равнодушным автора драм «Театра революции», его знакомство в Швейцарии с русскими эмигрантами П.И. Бирюковым, Н.А. Рубакиным, А.В. Луначарским, многолетняя переписка с Горьким, женитьба на М.П. Кудашевой лишь усилили его стремление понять происходящее в революционной, а затем в Советской России. С конца 1920-х гг. Роллан готовился посетить СССР, чтобы своими глазами увидеть страну, строящую социализм под руководством советских вождей. Во многом под влиянием переписки с Горьким Роллан постепенно приходит к мысли о неизбежности погружения России в хаос без сильного руководства и начинает ревизию своих политических взглядов, связанных с осуждением диктатуры в СССР. Он, как и Горький, готов принять происходящее в СССР как единственную возможность избежать социального и политического хаоса, привнести рациональное начало в общественную жизнь и построить новое общество на справедливых основаниях. После 10 лет полемики с большевиками о цели и средствах революции в 1927 г. Роллан поздравляет советский народ с 10-летием Октября, откликается на предложение напечатать в СССР полное собрание его сочинений и задумывается о поездке в СССР. В скандале, разгоревшемся во французской прессе в связи с распространением обращения «Писателям мира» (1927) о положении творческой интеллигенции в СССР Роллан занимает просоветскую и простаинскую позицию по отношению к писателям русской эмиграции, со многими из которых состоял в переписке, фактически отказывая им в своей поддержке [3]. Горький, остававшийся до 1933 г. в Со-

рренто, окончательно возвращается в СССР и приглашает Роллана с его женой Марией Кудашевой посетить «страну победившего пролетариата». Из переписки Роллана с Горьким следует, что личной встречи они ждали почти 20 лет. Встреча постоянно откладывалась, пока Горький не принял решение вернуться на родину. С 1928 г. Горький проводит летние месяцы в Москве (за исключением лета 1930 г.). Партийное руководство в это время прилагало огромные усилия для того, чтобы «привязать его канатами к партии», по выражению Сталина, запомнившемуся его литературному эмиссару И.М. Гронскому [8, с. 143]. В этом контексте просоветская позиция Роллана была всячески поддержана, с ним в переписку вступили директор издательства «Время» И.В. Вольфсон [9], а также опытный партийный деятель А.Б. Халатов (Арташес Багратович Халатянц; 1894–1938, репрессирован), член коллегии Наркомата просвещения, председатель правления Госиздата и ОГИЗа. Как типичный партийный функционер, Халатов слабо разбирался в художественных достоинствах произведений литературы, при этом сыграл значительную роль в становлении советской цензуры. По линии Госиздата он взял на себя переписку с Ролланом по поводу его приезда в СССР, хотя непосредственно по делам издания своего собрания сочинений Роллан переписывался с сотрудниками ленинградского кооперативного издательства «Время», которое было поглощено Госиздатом в 1934 г., а его основные пайщики подверглись арестам и репрессиям (Вольфсон, Г.П. Блок).

В Архиве А.М. Горького сохранились три письма Роллана Халатову 1931 г. по поводу его возможной поездки в СССР, видимо, пересланные Горькому для ознакомления. В письме от 22 мая 1931 г. Роллан пишет Халатову:

Я благодарю Вас за Ваше дружеское письмо от 18 мая. Я совсем не уверен в том, что смогу этим летом приехать в СССР. В любом случае, если бы я приехал, то только в Москву и на весьма ограниченный срок. <...> Итак, если я приеду, освободите меня от утомительных вещей, мои дорогие друзья! Будет лучше — я думаю, — если мне будет предоставлена свобода выбора местожительства и передвижения — и отдыха, если это будет для меня необходимо. В особенности, мне хотелось бы пожать руку моим близким друзьям, таким, как Горький, — и всем вам своим пребыванием в Москве засвидетельствовать непосредственно мою братскую симпатию и преданность. В ближайшие дни я должен посоветоваться с моим врачом, в Цюрихе, — для того, чтобы он мне точно сказал, что я могу делать и что

он мне позволяет. От его ответа будет зависеть мое решение. И я о нем сейчас же извещу моих московских друзей [2, с. 339].

Из Цюриха Роллан сообщает Халатову: «Мой престарелый отец умер. Мы будем сопровождать его прах на родину, в Ниверне. Сейчас я вынужден отказаться от поездки в Москву. Я сожалею об этом еще больше, чем мои московские друзья. Но я рассчитываю вознаградить себя в один прекрасный день, и мой приезд в СССР лишь откладывается на другое время, надеюсь, не слишком отдаленное» [2, с. 340]. В ответ Халатов направляет Роллану посылку с книгами Госиздата, которые приводят писателя в восхищение:

Я получил ящик с книгами, которые Вы так любезно распорядились послать мне. Поздравляю и благодарю Государственное издательство за эти чудесные издания. Мне доставляет огромное удовольствие перелистывать эти великолепные репродукции музейных полотен, — произведения Толстого, изданные со строгой элегантностью, — изысканное и прелестное издание Вольтера, — любопытные иллюстрации к роману Достоевского, — и иллюстрированные брошюры, прекрасный образчик популярных изданий, ясно и тщательно сделанных. Все это делает честь СССР и тем, кто стоит во главе его интеллектуальной культуры [2, с. 340].

В этом письме от 26 июня 1931 г. Роллан подтверждает свое намерение посетить СССР:

Я уже писал Вам о том, как сожалею, что вынужден отказаться от запланированной на это время поездки в Москву. Смерть отца, здоровье сестры, подорванное напряжением последних недель, необходимость хоть немного отдохнуть заставляют меня отложить путешествие на более поздний срок. Можете быть уверены, что я его осуществляю, но в другое время. Я этого очень хочу, так же, как и мои московские друзья [2, с. 340].

В 1930 г.¹ в переписку с Ролланом вступил советский партийный деятель, дипломат и писатель Александр Яковлевич Аросев (1890–1938, репрессирован). Аросев принимал активное участие в Октябрьской революции, был членом Военно-революционного

¹ Два письма Аросева Роллану за 1930 г. находятся в фонде Р. Роллана в Национальной библиотеке Франции в Париже. Однако нельзя исключать, что им могли предшествовать другие письма.

комитета в Москве, руководил артобстрелом Кремля, находившегося в руках юнкеров. В 1920-е работал в ВЧК, а с 1927 г. занимал высокие дипломатические должности: в 1927–1928 гг. — полпреда СССР в Литве, в 1929–1933 гг. — полпреда в Чехословакии, затем был на дипломатической работе во Франции. Его дочь, известная актриса О.А. Аросева, издавшая его дневники тех лет, вспоминает: «Отец вообще был натурой артистической. <...> Совсем молодым увлекся революционными идеями. За свою подпольную большевистскую деятельность 4 раза был в ссылке, трижды сидел в тюрьме. В первые годы советской власти стал крупным культурным деятелем, был на дипломатической работе за рубежом. В 1934 г. возглавил ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. По его приглашению в СССР приезжали Андре Жид, Анри Барбюс, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер. Благодаря ему в Россию вернулся граф Алексей Толстой, бывший до этого в эмиграции. В квартире бывали Немирович-Данченко, Таиров и Коонен, молодой Борис Ливанов» [5].

В 1933 г. Аросев был отозван в Москву, а в 1934-м назначен на пост председатель ВОКС². Их переписка с Ролланом носит довольно регулярный характер, Роллан поздравляет его с этим назначением. Аросев становится одним из главных действующих лиц, готовивших приезд Роллана в СССР, а затем принимавших чету Роллан в Москве. Он посещает Роллана в Швейцарии на вилле «Ольга», знакомится с его женой М.П. Кудашевой-Роллан, в дальнейшем помогает получить визу для поездки в Швейцарию ее 17-летнему сыну Сергею Кудашеву (1917–1941), остававшемуся в Москве. Аросев считал себя другом Роллана после нескольких лет переписки и личного знакомства в январе 1935 г. В фонде Р. Роллана в Национальной библиотеке Франции сохранилось 9 писем и 2 телеграммы Аросева Роллану, а также два письма Роллана Аросеву. В Российской государственной библиотеке хранятся 4 письма Роллана Аросеву. На основе этой никогда не публиковавшейся переписки можно воссоздать историю знакомства и личных отношений между Ролланом и Аросевым, в которых Аросев

² Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было основано в 1925 г. для пропаганды советской культуры и искусства за рубежом, а также с целью осуществления контактов с иностранными деятелями культуры, искусства, литературы, науки. Первым председателем правления стала Ольга Каменева (сестра Л.Д. Троцкого и жена Л.Б. Каменева). Общество занималось организацией международных выставок, фестивалей и конкурсов, поездок в СССР зарубежных делегаций, а также отдельных видных деятелей науки и культуры (П. Ланжевена, Р. Роллана, М. Андерсен-Нексе, Р. Тагора и др.). В 1958 г. ВОКС было преобразовано в Союз советских обществ дружбы (ССОД). В 1925–1931 г. Общество располагалось в Москве по адресу: Малая Никитская, 6, а после передачи особняка Горькому, с 1932 по 1954 гг. по адресу: Большая Грузинская, 17. В 1935 г. здесь состоялась встреча Романа Роллана с московской творческой интеллигенцией, описанная в его «Московском дневнике».

предстает, прежде всего, как собрат по перу, а не только как советский дипломат и партийный функционер. Письма Роллана Аросеву дают представление о том, какой видел Роллан свою поездку, кого писатель хотел повидать в СССР, какие условия он считал необходимыми для того, чтобы его путешествие состоялось. Аросев приехал встретить Роллана в Варшаву, чтобы сопровождать его в Москву, по приезду разместил чету Роллан в своей квартире в знаменитом Доме на набережной. Именно Аросев стал организатором встречи Роллана со Сталиным, а затем и переводчиком их беседы в Кремле. Однако в ходе пребывания Роллана в СССР возникли разного рода сложности, которые имели для Аросева неприятные последствия и, как он считал, ускорили его надвигавшуюся опалу. В письмах обсуждается возможность публикации записи беседы Роллана со Сталиным, разрешение на которую Роллан ждал, но так и не дождался, получив год спустя через Аросева отрицательный ответ советского вождя.

Публикуемое ниже письмо написано Ролланом незадолго до его поездки в СССР и содержит несколько важных сюжетов, которые во время его пребывания в Москве получают свое развитие и завершение.

Villeneuve (Vaud) villa Olga
12 mai 1935

Cher camarade Arosseff

Je vous remercie de votre lettre, qui confirme malheureusement mes regrets exprimés au sujet des retards considérables (plus d'une année) apportés par les raisons d'Etat à la publication de mes "Oeuvres complètes".

Maintenant, je dois vous écrire, au sujet de notre projet de venue à Moscou. Le médecin que j'ai consulté, à Zürich, m'en a accordé l'autorisation, — non sans de très sérieuses réserves: car l'examen a révélé une situation (pulmonaire et intestinale) toujours grave, qui m'impose la nécessité absolue de règles très strictes. — Permettez-moi donc de vous les exposer et ayez la bonté de me dire, au plus tôt, si ces conditions pourraient être réalisées, sans trop d'incommodité.

1/ En premier lieu, il m'est tout à fait nécessaire d'avoir à notre disposition, une auto fermée, pour toute la durée de notre séjour à Moscou (environs 3 semaines);

2/ un logement de deux chambres à coucher, communicantes, avec cabinet de toilette (WC.) également communicant, — pouvant, en cas de refroidissement de la température, être chauffées;

3/ toutes garanties d'être bien défendu contre les visites, et l'assurance que je pourrai ne recevoir qu'un petit nombre de visiteurs choisis. Le médecin m'interdit toute conférence, et m'ordonne de prendre un jour de repos sur cinq;

4/ pour le régime, je crois qu'avec la surveillance de ma femme, et ne serait pas trop difficile à organiser: car il s'agit surtout de cuisine au beurre (viandes grillées), légumes et fruits seulement sous forme de jus (carottes, raisins), oeufs et poisons frais;

5/ je pense que je pourrai facilement consulter un bon médecin spécialiste des maladies intestinales. Mon docteur de Zürich m'a remis pour lui une lettre explicative de mon état.

Notre intention serait de venir à Moscou, vers le 15–17 juin, via Zürich-Autriche: car le transit par l'Allemagne me serait refusé, comme il l'a été à plusieurs de mes amis intellectuels français qui ont pris part publiquement contre Hitler. Et d'autre part, il est mieux que je puisse faire le voyage par étapes, avec de courtes haltes à Vienne et à Varsovie.

Mais mon plus grand désir étant, vous le savez, de me rencontrer à Moscou avec Gorki, et d'avoir un court entretien avec Staline, il me faut savoir si j'ai quelque chance de les voir, à cette date. Je sais que Gorki est invité au Congrès des écrivains, à Paris; et la date de ce Congrès, encore incertaine, est fixée environ vers le 21 juin. Pourrais-je savoir si Gorki s'y rendra directement, et s'il aurait l'intention de faire un séjour à Paris, ou, s'il reviendra avant la fin de juin, à Moscou? Je calculerais les dates de mon voyage, d'après ces données, car, de toute façon, je ne pourrai rester à Moscou plus de trois semaines.

Dites-moi aussi s'il n'est pas trop indiscret de demander à Staline s'il veut bien m'accorder quelques instants. Vous savez combien je l'admire. Et ce serait pour moi une occasion unique de lui dire ce que je ne pourrais lui exprimer par écrit.

Je vous serre cordialement la main, mon cher ami. Marie Pavlovna me charge de vous transmettre ses amitiés.

Votre dévoué

Romain Rolland.

P.S.

J'ai bien reçu vos réflexions au sujet de l'arrangement de Colas Breugnot par Mescheriakov. Elles me semblent justes; (mais Mescheriakov ne m'a jamais soumis son scénario). C'est à des hommes compétants tels que vous et les directeur des firmes cinématographiques de décider si l'arrangement convient ou non. Je ne puis être un bon juge. Merci pour l'envoi du beau discours de Staline!

[Перевод:]

Вильнёв (Во) Вилла Ольга
12 мая 1935 г.

Дорогой товарищ Аросев,

Благодарю Вас за Ваше письмо, которое, к сожалению, подтверждает мои огорчения, которые я высказывал по поводу значительных задержек (более года), вызванных государственными причинами, с публикацией моего «Полного собрания сочинений».

Теперь я должен написать Вам о нашем плане приезда в Москву. Врач, к которому я обращался в Цюрихе, дал мне разрешение — не без очень серьезных оговорок: поскольку обследование выявило все еще серьезную проблему (с легкими и кишечником), которая налагает на меня абсолютную необходимость соблюдения очень строгих правил. — Позвольте мне тогда объяснить их вам и, пожалуйста, будьте так любезны сообщить мне как можно скорее, можно ли выполнить эти условия без особых неудобств.

1) Прежде всего, мне абсолютно необходимо иметь в своем распоряжении закрытый автомобиль на весь срок нашего пребывания в Москве (около 3 недель);

2) жилье с двумя смежными спальнями, с прилегающей ванной комнатой (туалетом), которая может отапливаться в случае понижения температуры;

3) все гарантии надежной защиты от посещений и уверенность в том, что я смогу принять только небольшое количество избранных посетителей. Врач запрещает мне какие-либо выступления и рекомендует брать день отдыха раз в пять дней;

4) что касается диеты, то я считаю, что под присмотром моей жены ее не составит большого труда организовать: поскольку в основном это приготовление пищи на сливочном масле (мясо на решетке), овощи и фрукты только в виде сока (морковь, виноград), яйца и свежая рыба;

5) я надеюсь, что мог бы проконсультироваться с хорошим врачом, специализирующимся на кишечных заболеваниях. Мой врач в Цюрихе дал мне письмо для него с объяснением моего состояния.

Мы хотели бы приехать в Москву примерно 15–17 июня через Цюрих и Австрию, поскольку в транзите через Германию мне скорее всего откажут, как это было со многими моими друзьями, французскими интеллектуалами, которые публично выступили против Гитлера. С другой стороны, будет лучше, если я смогу совершить путешествие в несколько этапов, с короткими остановками в Вене и Варшаве.

Но, как вы знаете, мое самое большое желание — встретиться в Москве с Горьким и иметь короткую беседу со Сталиным, мне нужно знать, есть ли у меня шанс увидеть их в эти дни. Я знаю, что Горький приглашен на Конгресс писателей в Париж; и дата этого Конгресса, пока не точная, назначена примерно на 21 июня. Могу ли я узнать, поедет ли Горький прямо туда и намерен ли он остаться в Париже, или же вернется в Москву до конца июня? Исходя из этой информации, я рассчитаю даты своей поездки, так как в Москве в любом случае я не смогу находиться больше трех недель.

Скажите мне также, не будет ли слишком нескромно спросить Сталина, сможет ли он уделить мне несколько минут. Вы знаете, как я им восхищаюсь. И это была бы для меня уникальная возможность сказать ему то, о чем я не смог бы написать ему.

Сердечно жму Вашу руку, мой дорогой друг. Мария Павловна просила меня передать Вам ее наилучшие пожелания.

Преданный Вам

Ромен Роллан.

P.S.

Я получил Ваши соображения об обработке Мещерякова «Кола Брюньона». Мне они кажутся справедливыми (но Мещеряков не представил мне свой сценарий). Компетентные люди, такие как Вы или директора кинокомпаний, должны решить, подходит ли эта обработка или нет. Здесь я не могу быть хорошим судьей. Спасибо за то, что прислали мне прекрасную речь Сталина!³

Письмо, написанное 12 мая 1935 г., начинается с замечания Роллана о задержке издания его полного собрания сочинений, предпринятого ленинградским кооперативным издательством «Время» под редакцией профессора западноевропейской литературы Московского университета, президента ГАХН П.С. Когана в конце 1920-х гг. (первый том вышел в 1930 г. под редакцией П.С. Когана и С.Ф. Ольденбурга, с предисловиями М. Горького, А. Луначарского и С. Цвейга) и завершено Госиздатом к юбилею Роллана в 1936 г. (всего вышло 20 томов). После ареста в 1930 г. по «академическому делу» [1, с. 350] директора и основного пайщика издательства И.В. Вольсона⁴, издательство возглавил Луначарский. Лучшими достижениями издательства, помимо полного собрания сочинений Роллана, стали научно-популярная серия «Занимательная наука», полное собрание сочинений Стендаля, авторизованное собрание сочинений С. Цвейга в 12 томах.

Литературным секретарем П.С. Когана была М.П. Кювилье-Кудашева [2, с. 376–396], которая написала Роллану после прочтения его открытого письма «Ромэн Роллан и Советская Россия. Ответ Константину Бальмонту и Ивану Бунину» в ответ на обращение «Писателям мира», а в дальнейшем вела переписку с Ролланом по делам издания и вскоре стала его женой [2, с. 380]. Большую часть своего гонорара за издание Роллан распорядился отдавать в пользу нуждающихся советских студентов, другую часть получал по доверенности его пасынок Сергей Кудашев. Задержка, по-видимому, объяснялась тем

³ НИОР РГБ. Ф. 252 (Ромен Роллан). Карт. 4. Ед. хр. 2. Перевод с франц. автора статьи. Подчеркивания в письме принадлежат Роллану.

⁴ И.В. Вольсон (1882–1950) был осужден по ст. 58 и по ст. 169 УК РСФСР (в редакции 1926 г.) и приговорен к трем годам лишения свободы (работал на строительстве Беломорканала). Освобожден в марте 1935 г. В мае 1989 г. реабилитирован. Историк советской цензуры А.В. Блюм опубликовал донесение ОГПУ, в котором Вольсон был назван одним из инициаторов антисоветского обращения «Писателям мира» [6].

фактом, что накануне Первого съезда советских писателей 1 августа 1934 г. кооперативное издательство «Время» было ликвидировано и вошло в состав Госиздата. Важную роль в организации и редакции этого издания играл Г.П. Блок, один из основателей и главный редактор издательства «Время», арестованный 25 февраля 1935 г. и приговоренный к ссылке в Казахстан (его судьба будет волновать Роллана, и его имя неоднократно встречается на страницах «Московского дневника» [13], написанного в результате поездки в СССР в 1935 г., Роллан хлопотал о смягчении его участи). Арест Блока, который как главный редактор и переводчик курировал собрание сочинений Роллана, не мог не сказаться на сроках выхода очередных томов и привел к задержке издания. Роллан был встревожен этой ситуацией. Спасло положение только то, что в январе 1936 г. на правительственном уровне было решено праздновать юбилей Роллана, и в спешном порядке Госиздат завершил издание полного собрания сочинений, которое и стало главным подарком к 70-летию писателя.

Второй важный сюжет письма связан с просьбой Роллана о согласовании встреч в Москве с Горьким и Сталиным, а также дат поездки Роллана в зависимости от Конгресса писателей в защиту культуры в Париже. В архиве А.М. Горького сохранилось письмо Аросева Горькому с выпиской из этого письма Роллана. Посылая (с грифом «секретно») перевод абзаца письма с вопросами Роллана о желании встретиться в Москве с Горьким и Сталиным, Аросев просил:

Москва, 17 Мая 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Посылаю Вам выдержку из письма Ромэн Роллана и прошу Вас поставить меня в известность, как Вы будете реагировать на просьбу Ромэн Роллана, так как я с ним по поводу приезда и не только, в связи с приездом, находясь в длительной и систематической переписке.

С товарищеским приветом

А. Аросев [2, с. 327].

На письме — записка Горького карандашом его многолетнему секретарю и другу П.П. Крючкову: «Дорогой П<стр> П<етрович>. Пожалуйста, ответьте Аросеву. А<лексей> П<ешков>» [2, с. 328].

Как мы знаем, поездка Горького в Париж не состоялась, главным образом, из-за нежелания самого Горького участвовать в Конгрессе. О причинах его отказа мы подробно писали ранее [2, с. 328–330]. О том, как и кем согласовывались даты поездки Роллана существуют

различные версии, но из приводимого письма видно, что Роллан связывал их с присутствием Горького в Москве и встречей со Сталиным. Месяцем раньше, в письме от 15 апреля 1935 г., Роллан уже изложил Горькому свою просьбу увидеться со Сталиным [2, с. 302], о чем Горький поставил в известность куратора Союза писателей по линии ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова⁵, прося сообщить Сталину о желании Роллана встретиться с ним [2, с. 303]. 22 мая Горький сообщает Щербакову, занимающемуся организацией парижского Конгресса, о своем отказе от участия в нем, что вызывает обеспокоенность Кремля. 31 мая Сталин и Молотов лично обращаются к Горькому, отправив в Тессели телеграмму: «Алексею Максимовичу Горькому. Копия: Щербакову. По нашему мнению, Вам обязательно нужно поехать в Париж на съезд писателей, если, конечно, состояние здоровья позволяет. Сталин. Молотов. 31.5.35. 14 ч. 35 мин.» [7, с. 385]. 8 июня Горький получает заграничный паспорт, но своего решения не меняет⁶. Эта телеграмма опровергает сложившееся мнение, что Горького не выпустили в Париж: напротив, Сталин был заинтересован в его поездке, так как отказ Горького заставлял пересмотреть концепцию поездки и состава делегации, лишившейся главной фигуры.

Интересен упомянутый в письме факт написания киносценария по повести Роллана «Кола Брюньон», которую любили в СССР, благодаря ее жизнеутверждающему пафосу и главному герою, человеку из народа. В разные годы на основе сюжета этой повести ставились театральные и радиоспектакли, снимались кинофильмы. В письме Роллана речь идет об одном из первых обращений к повести кинематографистов. Фильм снят не был, но по драматургической адаптации Т.С. Мещерякова в 1936 г. был поставлен спектакль в Центральном театре Красной армии. В начале 1938 г. в Малом оперном театре состоялась премьера оперы Д.Б. Кабалевского «Мастер из Кламси» («Кола Брюньон»), которая прошла с большим успехом, хотя сам композитор считал либретто В.Г. Брагина излишне политизированным (спектакль заканчивался народным восстанием, которого не было у Роллана). Роллан пристально следил за постановками, в том числе и благодаря Аросеву. Так, в письме от 12 апреля 1937 г. Аросев сообщал Роллану о постановке Н.П. Охлопкова:

5 А.С. Щербаков (1901–1945) в 1934–1935 гг. занимал должность зам. зав. Отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б). С 1934 г. был оргсекретарем Союза писателей СССР (председатель А.М. Горький), с 1935 г. по совместительству заведующим Отделом культпросветработы ЦК.

6 Факт получения Горьким заграничного паспорта упоминает Б.Ф. Фрезинский, давший свою версию работы Парижского конгресса [12, с. 318].

Как раз на днях я видел премьеру «Кола Брюньон» в Реалистическом театре. Об этом спектакле трудно говорить, но, если Вы позволите, скажу, что спектакль посредственный. В нем нет ни глубины сцены, ни света. С начала до конца спектакля на сцене остается Брюньон, говорит все время в повышенно-радостном тоне — надоедает ужасно. В середине спектакля вдруг скачок в прошлое: Брюньон делается молодым, влюбляется в Ласочку, а через 10 минут они оба пожилые и сентиментально вспоминают свою молодость. Все так ложно, без жизни, без крови. Не уверен, будет ли спектакль иметь успех. И, признаться, жалел, потому что Вашего «Брюньона» так же исковеркали, как Герцог исковеркал фигурки, сделанные Брюньоном [4, с. 336–337].

Из писем и дневников Аросева видно, что он не скрывает своего искреннего восхищения творчеством Роллана, его личностью. В январе 1935 г. он приезжает в гости к Роллану на виллу «Ольга» в Швейцарии, наслаждается интеллектуальной атмосферой его дома:

Человек неисчерпаемого благородства. Лицо его все в сиянии. Глаза светлые, большие, исключительной доброты. Брови сосульками по краям, свисают вниз. У него даже в улыбке много мысли. Прост. Нет, я никогда еще так сильно не вдыхал атмосферу работы мысли и литературы, как здесь у него. Этот великий художник, спянный в одном человеке с мыслителем, живет так, как будто направляет всего себя, всю свою мысль и художественное мастерство вперед, независимо от тела <...> Уехал я от этого человека, как от большой совести нашего века. Образ его крепко запечатлелся во мне [4, с. 126–129].

Аросев тонко подмечает разницу между писателем-созерцателем, каким он считает Роллана, и собой — тоже писателем, как ему представляется, но при этом человеком дела. В дневник он записывает диалог с М.П. Кудашевой по дороге на вокзал Монтре:

Провожая меня на вокзал, жена Р. Роллана рассказала следующее: — Вы такое огромное впечатление произвели на Роллана вашим живым изображением жизни революционеров, что, ложась спать, он грустно сказал: «Ну, вот, видишь, как люди боролись, а я такую неинтересную прожил жизнь». Мне даже жалко стало. Роллан ни с кем из СССР не говорил с таким интересом, как с Вами. Все прошлые разговоры были скорее официальными или полуофициальными. И никогда Р. Р. не смеялся так, как с Вами.

А мне, признаться, от этих слов Марии Павловны и самому стало стыдно. Я сам свою жизнь считаю скучной и очень внешней, мне хотелось бы также жить мыслью, как он, хотя бы в тысячной доле [4, с. 129].

Аросев едет в Варшаву, чтобы встретить там Роллана и сопроводить его до Москвы (он предложил Роллану приехать за ним в Швейцарию, но Роллан отказался). Однако после их приезда в Москву 23 июня 1935 г. характер общения Аросева с Ролланом изменился: Аросев пытается в точности выполнить указания Сталина, но при этом его действия не встречают понимания ни со стороны Сталина, ни со стороны Роллана. О «неловкости» Аросева, его «интригах» идет речь в «Московском дневнике» (1935), а затем и в «Дополнениях (октябрь–декабрь 1938 года)» к нему [11; 13, р. 275–295]. Роллан рассказывает о планах разместить его на правительственной даче в Подлипках (до 28 июня они с женой жили в гостинице «Савой»), череде недоразумений и конфликтов. Не менее подробно излагает собственную версию событий Аросев в своих дневниках.

Роллан не мог избавиться от чувства недоверия к Аросеву, ему казалось, что Аросев использует его («монополизирует меня»)⁷ из соображений собственной карьеры. Роллан фиксирует проявления его грубости и мстительности по отношению к персоналу. Он неприятно поражен двуличием Аросева в момент приезда в его квартиру в Доме на набережной А.С. Серафимовича (история с горничной и клопами: «она еще поплатится» [13, р. 280]), несправедливостью по отношению к медсестре Роллана, которую уволили за отказ выполнить приказ Аросева, идущий вразрез с требованием врача («я понял, что это была месть Аросева» [11, № 4, с. 241]). Роллан комментирует этот факт: «Неблагоразумно давать отдельным людям слишком большую власть. Когда власть одного ограничивается исключительно властью другого, возникают неизбежные ссоры и соперничество, начинается борьба не на жизнь, а на смерть». Роллан наблюдает еще несколько эпизодов бестактного поведения Аросева (в частности, его ожесточенную ссору в присутствии Роллана с секретарем Горького П.П. Крючковым), фиксирует негативные мнения об Аросеве писателей («Поразительна была бурная реакция Третьякова и Динамова, которые пришли встретить меня по прибытии к поезду в Москве. Когда они узнали, что мы собираемся остановиться

⁷ Здесь и далее текст «Московского дневника» цитируется по публикации [11]; текст «Дополнений к “Московскому дневнику”» — по изданию [13, р. 275–295] в переводе автора статьи.

у Аросева, они отвели меня в сторону и предупредили: “Главное, не ходите к Аросеву! Я говорю вам очень серьезно”» [13, р. 280]) и партийного руководства (30 июня: «На великолепном празднике молодежи на Красной площади Сталин, увидев нас, попросил нас с женой подняться на мавзолей Ленина, — Аросев хотел последовать за нами, что было бы как бы естественно. Но офицер, который должен был проводить нас туда, запретил ему это сделать. Жгучая обида. Знак того, как мало благосклонности или уважения оказывали ему “великие товарищи”» [13, р. 282–283]). Роллан отмечает, что, возможно, Аросев «неплохой человек, но ограниченный и холерик». В дневнике Роллана возникает характеристика Аросева в одном слове: «Вепрь» [11, № 3, с. 216]. Роллан по-своему сочувствует Аросеву, наблюдая признаки его близкой опалы: «Почти все, с кем я о нем говорил в Москве, отзывались презрительно: “Дурак”⁸. Он не дурак. Но его непоправимо бестактные поступки, которые он совершает из-за своего уязвленного самолюбия, превращаются в опасные промахи. Из-за этого он потерял пост посла. Боюсь, по этой же причине он потеряет и пост председателя ВОКСа» [11, № 3, с. 216].

Однако главное опасение, связанное с желанием Аросева взять Роллана под свое покровительство, состоит вовсе не в его характере, каким бы он ни был, а в его близости к спецслужбам («Боюсь, он был из тайной полиции <...> неосмотрительная болтовня Аросева в дороге произвела на нас впечатление, что у него были хорошие связи с секретной полицией» [13, р. 280]). Роллан опасается давления со стороны Аросева, подозревая, что тот не только «орудие ЦК и Сталина» [13, р. 280], но и «тайной полиции». Особенно тяжелое впечатление на Роллана произвела попытка Аросева увести их с женой на правительственную дачу прямо из Большого театра (где они смотрели спектакль «Бахчисарайский фонтан»): «Он явился в сопровождении начальника личной охраны Сталина — огромного великана с квадратными плечами, кудрявого, с широким улыбающимся лицом. <...> Он выразил желание забрать нас посреди ночи, чтобы увести, — сказал он, — на предложенную Сталиным дачу в нескольких километрах от Москвы. Я категорически отказался. Маша даже волновалась, возвращаясь из театра в гостиницу “Савой”, что машина увезет нас, без нашего согласия, из Москвы» [13, р. 281].

На следующий день Аросев предпринял еще одну попытку добиться переезда Роллана на правительственную дачу: «В четверг вечером, 27 июня, без моего ведома, Маша, которую Аросев продол-

⁸ Написано в дневнике по-русски латиницей.

жал уговаривать принять гостеприимство Сталина и переехать на его дачу, несмотря на мой категоричный отказ, не смогла уклониться от настойчивой просьбы Аросева хотя бы посмотреть на эту дачу. Пока я лежал в постели, после ужина, и думал, что она в театре, она поехала на дачу. Ни в чем не уверенная, она попросила Лидию Павловну⁹ сопровождать ее. Она рассказала, что дача была очень красивой, в стиле дома Горького, но поменьше, и в ней жил военный. (Меня бы хорошо охраняли!) В машине Аросев расписывал все преимущества дачи и настойчиво просил, чтобы мы приехали, «хотя бы на день или два, чтобы товарищ Сталин не обиделся» [13, р. 281]. Суть этих настойчивых просьб Аросева с самого начала была понятна Роллану. Она состояла в стремлении оторвать Роллана от Горького, под гарантии которого писатель ехал в СССР и гостеприимством которого рассчитывал воспользоваться: «И он удвоил свои просьбы, чтобы мы не ехали в дом Горького. Но я держался, и Маша была полностью со мной согласна, — Аросеву пришлось смириться со своим проигрышем» [13, р. 281]. Роллан связал провал этой попытки с дальнейшей опалой Аросева: «У меня были все основания полагать, что Сталин его не простил (не простил ему особенно того, что он впутал сюда Сталина и проиграл дело). Во время беседы 28 июня Сталин отрицал, что у него есть дача и что он хотел пригласить меня к себе, сведя разговор о приглашении к банальному предложению Совнаркома, в распоряжении которого есть несколько дач для приема почетных гостей, и я понял, что таким образом он дезавуировал неудачную попытку Аросева; но я вовсе не уверен, что это была его инициатива и что он поощрял Аросева» [13, р. 281].

Аросев дает свою версию произошедшего, описывая в дневнике беседу со своим старым другом, одноклассником по казанской гимназии В.М. Молотовым:

Мне инкриминируется также и то, что я не сумел вместе с Румянцевым (человек из охраны Сталина) сагитировать Р.Р. переехать на дачу правительства.

— Вяча, Вяча, — ответил я моему обвинителю, — ведь ты не знаешь, до твоего прихода я беседовал на квартире Сталина в присутствии Кагановича и Ворошилова, ночью, когда был вызван из театра, где Р.Р. смотрел «Бахчисарайский фонтан». Тогда Сталин настаивал, чтоб я взял с собой Румянцева и, вопреки моим возра-

⁹ Жена директора Малого театра Амаглобели.

жениям, настоял, чтоб я предложил Р.Р. немедленно переселиться на дачу правительства (Липки). Это было невозможно.

Старик, усталый от бдения, от спектакля, от московских впечатлений, живший всю жизнь на одном месте, давно не видевший публики, большого скопления людей, а поэтому страшно утомленный, ночью получает странное приглашение переселиться, да еще при этом присутствует специальный человек в военной форме! Конечно, провал был обеспечен, я предупреждал об этом. Меня не послушали. Только пришедший Вяча, сам по себе, без моих доводов, понимал, что ночью делать такие гостеприимные предложения не следует. Я это предложение сделал потому, что настаивали и тем самым сорвал возможность пригласить его в подходящий момент разговора, на другой день.

Кажется, Вяча понял, что меня нельзя осуждать. Мария Павловна <Кудашева-Роллан> все же во многом виновата, она ведет свою линию. Вяча ко мне лучше относится, чем она. Обо всем этом нужно написать Сталину [4, с. 177–178].

Аросев пишет в своем дневнике, что попал в немилость к Сталину не только из-за провала с дачей, но и из-за своего участия в беседе Роллана с вождем в качестве переводчика:

2 июля <1935>. У Вячи М<олотова> на даче. В.М. попрекает тем, что чересчур услужлив Ромэну Роллану — до надоедливости. «Знаю, — говорит он, — твои манеры. Они могут показаться навязчивыми». Значит, и это дело, которое я делал с таким вдохновением, завистники хотят испортить. Ничего конкретного, просто навязчив. А я почти что не бывал с Ролланом, я максимально держался в стороне.

Вяча говорил, что Сталин остался недоволен моим переводом и думает, что я передавал неточно и кое-что вставлял от себя, что меня часто поправляла Мария Павловна. Она меня поправила всего два раза и только потому, что ей легче понимать мужа, она лучше слышит и разбирает дикцию, кроме того, она, безусловно, была самым Р.Р. подготовлена к разговору. Я же — совершенно нет, я не мог и не говорил с Ролланом о том, о чем он предполагает беседовать со Сталиным. Понятно, что мой перевод был сырой.

Решили, что я был не бесстрастен и сух, как обычный переводчик, а вставлял свои замечания, но этого не было. Может быть, просто кому-то надо, чтобы мой перевод не понравился? Может быть, против меня продолжается страшная и большая интрига, и, может быть, поэтому-то и вызывали меня к Сталину для беседы, чтобы поиграть со мной, как тигр с маленьким мышонком? [4, с. 39].

Сложное отношение Роллана к тому, что он называет «интригами» Аросева, тем не менее, не изменило дружеского расположения к нему писателя, он убежден, что Аросев «искренне дружил с нами», хотя и стремился «хвастать» этой дружбой «в своих интересах» [13, р. 281].

После переезда в дом Горького общение Роллана с Аросевым сошло на нет, да и сам Аросев был отправлен в командировку в Европу, где по поручению Сталина он занимался покупкой архивов Маркса и Энгельса, о чем он подробно рассказал в четвертой тетради своих дневников. На обратном пути из Москвы в Варшаву Роллана сопровождал Крючков. В начале 1936 г. Аросев нашел возможность вновь увидеться с Ролланом в его доме в Швейцарии. Роллан и его жена оказали Аросеву теплый прием и подтвердили свои дружеские чувства к нему. Аросев подытоживает свои впечатления: «Вообще, как я и предвидел: внутренний мир Роллана точного и очень чистого сложения политику принял за этическую деятельность и не вынес московского ловкачества. Он слишком нетерпеливый человек, чтоб равнодушно проходить мимо явления, которое еще не слишком ясно освещено. Роллан слишком глубоко впитал и нашего Льва Толстого, и Ганди, и слишком он француз — потомок благородных римлян, тех, кто без страха перед казнью переходили к христианству» [4].

С Аросевым Роллан передает многостраничное письмо Сталину (от 27 декабря 1935 г.), целиком посвященное вопросам репрессий в СССР. Роллан приводит цитаты из их беседы в Кремле, надеясь получить ответ на накопившиеся на Западе обвинения в адрес внутренней политики, проводимой в СССР. Роллан подчеркивает, что это его третье письмо вождю, на первые два он не получил ответа. Аросев передает письмо Сталину 16 января 1936 г. Из писем Аросева Роллан узнает и о нежелании Сталина дать разрешение на публикацию их беседы в Кремле. Нет ничего удивительного в том, что Сталин отказался от публикации этой беседы в каком бы то ни было виде, отвечая молчанием на все призывы Роллана предать огласке аргументацию вождя по поводу репрессивной политики по отношению к гражданам СССР. Став активным корреспондентом Горького, Роллан надеялся, что таким путем можно будет гуманизировать советскую политику, в основе которой лежал принцип «цель оправдывает средства». Тема репрессий в СССР становится в 1930-е гг. основной в его письмах Горькому и главной — в беседе со Сталиным. 1936 год стал переломным для Роллана: 18 июня умер Горький, влияние и помощь которого давали возможность Роллану получать хоть какие-то ответы на волнующие его общественно-политические вопросы и защищать

тех, кто подвергался преследованиям. Его контакты с СССР с этого момента начали приобретать формальный характер.

«Московский дневник» Роллана 1935 года, увидевший свет по воле автора лишь полвека спустя, стал глубоким размышлением писателя над увиденным и услышанным в СССР. Противник европейского союза, Роллан не был и сторонником интеграции СССР и Европы: Советский союз рассматривался им как альтернативная сила, способная противостоять наступлению европейского фашизма. В целом «советский проект» представлялся Роллану достойным реализации, несмотря на явное неблагополучие проводимой государством внешней и внутренней политики. Об этом говорит публицистика писателя тех лет. И только в своих эго-документах (письмах и дневниках) Роллан откровенно высказывает сомнения в методах осуществления декларируемых достижений по строительству «нового общества» и воспитанию «нового человека».

Как мы видим, Аросев сыграл важную роль в подготовке путешествия Роллана в СССР, в его приеме и в беседе писателя с советским вождем. Будучи творческим человеком и одновременно стремясь в точности выполнять указания Сталина, Аросев оказался в сложном положении. Однако не служебные промахи стали причиной его опалы и ареста в 1937 г., а тот факт, что он принадлежал к числу так называемых старых большевиков, как и Н.И. Бухарин, которого отметил своим расположением Роллан (о нем также идет речь в «Московском дневнике»). Именно в их защиту выступил писатель, написав Сталину письма в связи с их арестом (в защиту Бухарина письмо от 18 марта 1937 г. и Аросева — от 4 августа 1937 г.). Письмо в защиту Аросева показывает, что Роллан был хорошо осведомлен о частной жизни Аросева, его здоровье и здоровье его близких, знал его детей, знал даже о сложностях в семье «иностранной» жены Аросева Г. Фройнд, которую тот привез из Праги. Письмо наполнено глубоким сочувствием и симпатией к Аросеву и его близким. Это говорит о том, что Аросев вызывал у Роллана подлинный, а отнюдь не формальный интерес. Роллан писал Сталину: «За многие годы, в течение которых я имел с Аросевым частые встречи и переписку, он всегда проявлял по отношению к Вам абсолютную верность и привязанность. Ни слова, которое выдавало бы колебания или недоверие. Он говорил о Вас с любовью и гордостью. Между тем, Аросев не из тех, кто способен скрывать свои чувства, независимо от того, “за” он или “против”» [10, с. 287]. Все письма Роллана остались без ответа (он

ходатайствовал также об освобождении микробиолога О. Гартоха, неоднократно подвергавшегося арестам).

После смерти Горького в Москве набирают оборот политические репрессии. Наблюдая за московскими процессами, за уничтожением в ходе третьего московского процесса окружения Горького, Роллан делится своими размышлениями в «Дополнениях (октябрь–декабрь 1938 года)» к «Московскому дневнику». Он не верит официальной версии об участии в убийстве Горького людей из его окружения (врачей Плетнева и Левина, секретаря Крючкова). Не верит Роллан и в виновность Аросева и Бухарина, как и других своих знакомых в СССР, с которыми ему довелось лично общаться.

Переписка Роллана с Аросевым, еще не введенная в научный оборот, является важной страницей франко-русского культурного диалога. Разумеется, она не так значительна, как переписка Роллана с Горьким, продолжавшаяся 20 лет. Во время путешествия в СССР Роллан познакомился со многими известными представителями советской культурной и политической элиты. Однако в 1930-е гг., помимо Горького, именно Аросев стал наиболее близким Роллану корреспондентом и собеседником. Несмотря на все опасения и подозрения, Роллан верил в искренность Аросева, в его доброе расположение, в его дружбу и отвечал ему тем же. Их переписка началась за четыре года до назначения Аросева на пост председателя ВОКС как переписка двух творческих людей, писателей, глубоко верящих в возможность построения общества на справедливых началах. Творчество Аросева сейчас забыто, его книги, посвященные бурному революционному прошлому, ни разу не переиздавались после его гибели в 1938 г. Не помогла вернуть его книги читателю и реабилитация писателя в 1956 г. Его дневники, предусмотрительно переданные им на хранение сестре Августе, были изданы его младшей дочерью Ольгой Аросевой в 2012 г. Издание его переписки с Ролланом внесет большой вклад в понимание общественно-политической обстановки 1930-х гг., литературных и культурных приоритетов тех лет.

Литература

1. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс, 1992. 511 с.
2. Ариас-Вихиль М.А. Буревестник versus Альбатрос. М.: А Темп, 2018. 534 с.
3. Ариас-Вихиль М.А. Встречный взгляд: переписка Р. Роллана и И.С. Шмелева. К 150-летию И.С. Шмелева // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 221–231. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-221-231>

4. *Аросева О.А.* Прожившая дважды. М.: Астрель, 2012. 416 с.
5. *Аросева О.А.* «Читая дневники отца, я едва не ослепла от слез» // Вечерняя Москва. 2013. 20 октября.
6. *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 319 с. URL: <https://litlife.club/books/323259/sections/24?page=9> (дата обращения: 25.01.2025).
7. Большая цензура. Писатели и журналисты в стране Советов. 1917–1956. Документы. М.: МФД, 2005. 753 с.
8. *Гронский И.М.* Из прошлого. М.: Известия, 1991. 363 с.
9. *Заборов П.П.* Ромен Роллан в его переписке с издательством «Время». 1928–1934 // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам (2011). URL: http://old.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ff_GUp6qD2g%3D&tabid=10460 (дата обращения: 25.01.2025).
10. Письма Р. Роллана И.В. Сталину // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века (1920–1970). М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 277–289.
11. *Роллан Р.* Московский дневник // Вопросы литературы. 1989. № 3–5. С. 190–246; 219–254; 151–190.
12. *Фрезинский Б.* Писатели и советские вожди. М.: Эллис Лак, 2008. 661 с.
13. *Rolland R.* Voyage a Moscou (juin-juillet 1935), suivi de Notes complementaires (octobre-decembre 1938) / ed. B. Duchatelet. Paris: Albin Michel, 1992. Cahier 29. 363 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

Soviet Correspondents of R. Rolland: The Case of A.Ya. Arosev (Based on Letters and Diaries)

© 2025. Marina A. Arias-Vikhil

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgments: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00393 “Russia / USSR and the West: A Counter View. Literature in the Context of Culture and Politics in the 20th Century” (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Abstract: The article examines the relationship between R. Rolland and one of his important Soviet correspondents, the Soviet diplomat, writer, and party activist A. Arosev. Based on the letters and diaries of Rolland and Arosev, the research reconstructs the crucial events of the Soviet-French dialogue in the 1930s, associated with the change in Rolland’s position on what was happening in the USSR. From criticizing the results of the October Revolution, Rolland revises his

political views and decides to travel to the country that is building a “new society.” Arosev, who received the post of chairman of VOKS in 1934, played a significant role in preparing for his arrival. For the first time, the article publishes a letter from Rolland to Arosev dated May 12, 1935, in which Rolland sets out his demands for his accommodation, food, and medical care. In the letter, Rolland expresses concern about the delay in the publication of the next volumes of his complete works, as well as a desire to receive confirmation of the possibility of meeting with Gorky and Stalin in Moscow. The article traces the further development of Rolland’s relations with Arosev: after a crisis of trust associated with Stalin and Arosev’s attempt to place Rolland not in Gorky’s house, but in a guarded government dacha, Arosev manages to regain Rolland’s favor and continue friendly correspondence and meetings with him in Switzerland, at Rolland’s villa. The writer’s correspondence with Arosev ends with the latter’s arrest. For the first time, the unpublished Russian translation of “Supplements (October–December 1938)” to Rolland’s *Moscow Diary* is introduced into scientific circulation.

Keywords: Romain Rolland, M. Gorky, I. Stalin, A. Arosev, VOKS, travel to the USSR, Soviet-French literary connections, Romain Rolland’s *Moscow Diary*.

Information about the author: Marina A. Arias-Vikhil, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

For citation: Arias Vikhil, M.A. “Soviet Correspondents of R. Rolland: The Case of A.Ya. Arosev (Based on Letters and Diaries).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 231–252. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-231-252>

References

1. Antsiferov N.P. *Iz dum o bylom: Vospominaniia* [From Thoughts About the Past: Memories]. Moscow, Feniks Publ., 1992. 511 p. (In Russ.)
2. Arias-Vikhil', M.A. *Burevestnik versus Al'batros* [Petrel Versus Albatross]. Moscow, A Temp Publ., 2018. 534 p. (In Russ.)
3. Arias-Vikhil', M.A. “Vstrechnyi vzgliad: perepiska R. Rollana i I.S. Shmeleva. K 150-letiyu I.S. Shmeleva” [“Counter View: Correspondence of R. Rolland and I.S. Shmelev. To the 150th Anniversary of I.S. Shmelev”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 221–231. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-221-231> (In Russ.)
4. Aroseva, O.A. *Prozhivshaia dvazhdy* [Lived Twice]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)
5. Aroseva, O.A. “Chitaia dnevniki ottsa, ia edva ne oslepla ot slez'.” [“Reading My Father’s Diaries, I Almost Went Blind from Tears’.”] *Vecherniaia Moskva*, October 20, 2013. (In Russ.)
6. Blum, A.V. *Za kulisami “Ministerstva pravdy”*: Tainaia istoriia sovetskoi tsenzury, 1917–1929 [Behind the Scenes of the “Ministry of Truth”: The Secret History of Soviet Censorship, 1917–1929]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 319 p. Available at: <https://litlife.club/books/323259/sections/24?page=9> (Accessed 25 January 2025). (In Russ.)

7. Bol'shaia tsenzura. Pisateli i zhurnalisty v strane Sovetov. 1917–1956. Dokumenty [The Great Censorship. Writers and Journalists in the Land of Soviets. 1917–1956. Documents]. Moscow, MFD Publ., 2005. 385 p. (In Russ.)
8. Gronsky, I.M. Iz proshlogo [From the Past]. Moscow, Izvestiia Publ., 1991. 363 p. (In Russ.)
9. Zaborov, P.R. “Romain Rolland v ego perepiske s izdatel'stvom ‘Vremia’. 1928–1934” [“Romain Rolland in His Correspondence with the Publishing House ‘Time.’ 1928–1934”]. *Instituty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam (2011)* [Leningrad Cultural Institutes at the Turning Point from the 1920s to the 1930s (2011)]. Available at: http://old.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ff_GUp6qD2g%3D&tabid=10460 (Accessed 25 January 2025). (In Russ.)
10. “Pis'ma R. Rollana I.V. Stalinu” [“R. Rolland's Letters to I.V. Stalin”]. *Dialog pisatelei. Iz istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei XX veka (1920–1970)* [Dialogue of Writers. From the History of Russian-French Cultural Relations of the 20th Century (1920–1970)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002, pp. 277–289. (In Russ.)
11. Rollan, R. “Moskovskii dnevnik” [“Moscow Diary”]. *Voprosy literatury*, no. 3–5, 1989, pp. 190–246, 219–254, 151–190. (In Russ.)
12. Frezinsky, B. *Pisateli i sovetskie vozhdì* [Writers and Soviet Leaders]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2008. 661 p. (In Russ.)
13. Rolland, Romain. *Voyage à Moscou (juin–juillet 1935), suivi de Notes complémentaires (octobre–décembre 1938)*, ed. B. Duchatelet. Paris, Albin Michel, 1992. Cahier 29. 363 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 26.04.2025
Одобрена после рецензирования: 02.06.2025
Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 26.04.2025
Approved after reviewing: 02.06.2025
Date of publication: 25.06.2025